

Мысль об этом вызвала у Ши Сюньлюя неконтролируемый прилив крови к горлу, во рту появился отчетливый привкус меди. Сдерживая острую боль в груди, он повернул голову и снова сплюнул кровь. Пальцы, до этого судорожно сжимавшие край одежды Юнь Тина, внезапно ослабели. Перед глазами на мгновение всё поплыло, а затем мир погрузился во тьму, и его тело, подобно легкому перышку, безвольно повалилось назад.

Юнь Тин, ошеломленный видом алой лужи крови на земле, вздрогнул и пришел в себя. Ему было уже не до Фэн Вэй и её свиты. Сердце сжалось от тревоги, он хотел подхватить Ши Сюньлюя, но Лю Сучи оказалась быстрее. В мгновение ока она оказалась рядом, подхватила юношу, и в её холодных глазах читалась неприкрытая паника. Она принялась вливать в Ши Сюньлюя потоки духовной энергии, не жалея сил:

— Скорее, несите его в Зал целебных трав!

Возможно, от излишнего беспокойства она невольно оттолкнула Юнь Тина в сторону, заняв позицию защитника и плотно окружив Ши Сюньлюя заботой, словно отрезая Юнь Тина от происходящего.

Юнь Тин на секунду замер, но тут же взял себя в руки. Его лицо помрачнело, и он жестко приказал зачинщице Фэн Вэй и остальным отправиться в Зал правосудия для получения десяти ударов плетью, а остальных раненых велел наказать позже, когда те придут в себя.

Цин Янь молча кивнул, бросил взгляд на побледневшую от досады Фэн Вэй, которая не посмела возразить, и, не удостоив её больше ни единым взглядом, позвал учеников на помощь.

Последовала суматоха, и вскоре процессия направилась в Зал целебных трав.

По дороге Ши Сюньлюй на мгновение полубессознательно приоткрыл глаза. Перед ним возник силуэт в красном, с лицом, скрытым под белой вуалью — точь-в-точь та девушка, что заступилась за него на церемонии посвящения. Её глаза, чистые и ясные, при виде него изогнулись, словно два полумесяца. Он инстинктивно ухватился за край красного одеяния и с трудом прошептал:

— Не... уходи...

Лю Сучи поспешно ответила:

— Хорошо, я не уйду.

Услышав это, Ши Сюньлюй со спокойной душой провалился в забытие, но ладонь так и не разжал, продолжая крепко держать её за одежду.

Со стороны картина, где двое — один в черном, другая в красном — смотрят друг на друга, выглядела как взаимное влечение, радующее глаз.

Юнь Тин, не в силах оставить Ши Сюньлюя, последовал за ними. Он бережно прижимал юношу к себе, служа ему опорой, и невольно услышал их разговор. Он внезапно замер, словно пораженный громом.

Видя, что Юнь Тин долго не приходит в себя, Цин Янь подошел ближе и, присев на корточки, спросил:

— Глава, что с вами?

Юнь Тин нахмурился и лишь спустя долгое время повернулся к нему:

— Младший брат, мне хочется конфет.

— Сколько вам лет, мастер? Почему вдруг захотелось сладкого?

— У меня во рту горечь.

*

В густой тьме Ши Сюньлюй почувствовал, как знакомая духовная энергия властно вторгается в его дантянь. Он слегка нахмурился, но, ощутив родную ауру Юнь Тина, постепенно расслабился.

Вторгшийся, по-видимому, обнаружил в его море сознания чужеродную частицу души. Поколебавшись, он попытался извлечь её, отчего на лбу Ши Сюньлюя выступил холодный пот, а голову пронзила невыносимая боль. Укусив себя за язык, чтобы заставить сознание проясниться, он резко открыл глаза. Ослепительный свет залил зрачки, окрасив их в цвет прозрачного меда.

Раны, нанесенные духовной энергией, были аккуратно перевязаны — пусть и несколько неумело, но всё же заботливо.

Голос Ши Сюньлюя охрип. Он с трудом приподнялся на кровати и огляделся: судя по всему, его доставили в Зал целебных трав.

Верно, а где же учитель?

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как из-за окна донесся нежный женский смех. Ши Сюньлюй невольно повернул голову: Юнь Тин стоял у грядок с целебными травами, внимательно изучая что-то, и тихо переговаривался с кем-то, словно боясь нарушить покой. Их жесты и взгляды выдавали давнее знакомство и поразительное взаимопонимание.

Взгляд Ши Сюньлюя, только что было оживившийся, мгновенно потускнел. Словно подвергая

себя пытке, он запечатлел в памяти их близость, а затем медленно откинулся на подушки. В его глазах клубился густой черный туман, скрывающий истинные мысли.

— Глава, вы каждый день приходите сюда, вы так заботитесь об А-Сюне, — с ноткой зависти произнесла Лю Сучи. — Если бы мой учитель тоже...

А... Сюнь?

Юнь Тин, не расслышав остального, с досады сломал стебель лечебной травы.

Короткое замешательство не выбило его из колеи. Юнь Тин спрятал бесполезную траву в рукав, поднял глаза на Лю Сучи, и его длинные, пушистые ресницы отбросили тень на лицо. Он попытался придать своему чистому, невинному лицу серьезное выражение:

— Он мой ученик.

Лю Сучи восприняла это как должное, списав всё на отеческую заботу мастера, и совершенно не заметила скрытого собственничества в словах Юнь Тина. Она кивнула и добавила:

— Только что старейшина Цин Янь просил вас зайти в Храм бесчувствия. А-Сюня я пока посторожу.

Юнь Тин почувствовал досаду и легкую обиду, но, памятуя о достоинстве главы, не мог позволить себе вспылить. Он сжал кулаки в рукавах, стиснул зубы и спустя мгновение удалился.

Собрав травы, Лю Сучи растерла их в ступке, процедила и, приготовив отвар, направилась в комнату Ши Сюньлюя.

Войдя, она обнаружила, что юноша уже пришел в себя. На миг на её лице отразилось замешательство, но тут же сменилось искренней радостью:

— Ты проснулся!

Ши Сюньлюй незаметно уклонился от её прикосновения. Чрезмерная услужливость второй главной героини не вызвала в нем никакого отклика, он оставался холодным и равнодушным. Он знал: любовь или ненависть — лишь навязанные небесной волей сценария атрибуты.

Подумав об этом, он переплел пальцы, вспоминая намеки на романтическую линию между Юнь Тинем и Лю Сучи из оригинального сюжета, и нахмурился.

Что сказать, это было чертовски неприятно.

Ши Сюньлюй хотел было сразу отправиться на поиски Юнь Тина, но, имея к нему еще несколько вопросов, терпеливо ждал возвращения Лю Сучи, хотя уже начал терять терпение.

Лю Сучи видела, как Ши Сюньлюй хмурится. Его изящный профиль, освещенный солнцем, казался воплощением благородства, а взгляд, устремленный на неё, создавал иллюзию нежности и глубоких чувств.

Уши Лю Сучи залились румянцем, она в замешательстве едва не уронила чашу с лекарством и принялась поправлять одежду, суетясь от волнения.

Ши Сюньлюй не понимал, что происходит, но разбираться в переживаниях Лю Сучи не желал. Он перешел сразу к делу:

— На церемонии посвящения... это ты спасла меня, приняв на себя последний удар кнута, рассеивающего душу?

Лю Сучи замерла, не понимая вопроса:

— ...Церемония посвящения?

Её голос дрогнул, словно она не была уверена.

Ши Сюньлюй решил, что она забыла. Не имея терпения к кому-либо, кроме Юнь Тина, он, преодолевая боль в груди, произнес:

— В тот день ты тоже была в красном и под белой вуалью. Помнишь?

Лю Сучи медленно подняла глаза. Упоминание той девушки в красном заставило лицо Ши Сюньлюя озариться едва заметной радостью, а в глазах засияли искорки чувств, которые он сам, похоже, не осознавал. Он выглядел настолько прекрасно, что она на мгновение лишилась дара речи.

— ...

Лю Сучи крепче сжала платок. Губы под вуалью побелели. Спустя время она взяла себя в руки, и её голос прозвучал как легкий дым, скрывая дрожь:

— Ты схватил меня за руку, потому что подумал, что я — та самая девушка, и решил спросить лично, так?

Ши Сюньлюй прямо ответил:

— Верно, это одна из причин.

Лю Сучи стиснула зубы, её пальцы впились в платок, разрывая его от неконтролируемого притока духовной энергии. Её девичьи мечты в одночасье превратились в осколки льда.

В воздухе повисла удушливая тишина.

— Что с тобой? — Ши Сюньлюй почувствовал, что что-то не так, но стоило ему открыть рот, как Лю Сучи подняла голову и улыбнулась — улыбка, которую вуаль лишь слегка скрывала:

— Да, это была я.

— Что? — Ши Сюньлюй опешил.

— Я и есть та девушка, что спасла тебя в тот день.

В огромной комнате слова Лю Сучи прозвучали четко и твердо, словно она приняла самое важное решение в жизни. Она всю жизнь гордилась своей честностью, а теперь, словно одержимая, присвоила чужую заслугу. Её сердце разрывалось между разумом и чувствами, лицо было белее мела, а глаза наполнились слезами. Она была готова бежать куда глаза глядят.

Услышав её признание, Ши Сюньлюй почему-то ощутил странное недоумение. Тот робкий росток влюбленности к «девушке в красном», который он питал, при виде лица и личности Лю Сучи бесследно испарился.

Поскольку она была его спасительницей, он не стал ничего говорить. Он хотел было протянуть ей платок, чтобы она вытерла слезы, но вовремя вспомнил, что этим платком пользовался учитель, и поспешно убрал его обратно к себе на грудь. Он сухо произнес:

— Спасибо тебе.

— ... — Лю Сучи не нашла сил ответить «не за что». Она вытерла глаза рукавом и, словно пытаясь сменить тему, отвела взгляд: — Ты сказал, что были и другие причины, по которым ты меня задержал?

— Да. — Ши Сюньлюй облегченно выдохнул, заметив, что она успокоилась. Он подумал: пусть учитель и капризный, любит поплакать, но когда плачет — выглядит куда красивее, чем Лю Сучи.

И его легче утешить.

— Что ты хотел мне сказать?

Ши Сюньлюй, чьи мысли были заняты только учителем, выпалил, не задумываясь:

— Можно попросить тебя... впредь держаться от моего учителя подальше?

Юнь Тин, только что завершивший дела в Храме бесчувствия, в спешке направился в Зал целебных трав. Он подпрыгивал на ступенях, придерживая полы одежд, и уже хотел толкнуть дверь, как услышал голос Ши Сюньлюя. Тот говорил с Лю Сучи, и речь явно шла о нем.

Юнь Тин заколебался. Он знал, что подслушивать нехорошо, но любопытство взяло верх. Прижавшись к двери, словно длинноухий кролик, он ловил каждое слово, доносившееся из щели. Голос Ши Сюньлюя звучал с нотками безмолвной угрозы:

— Мне не нравится, когда вы слишком сближаетесь.

— Я буду ревновать.

<http://bllate.org/book/19526/1914587>